

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.02

Правильная ссылка на статью:

Островская Е. А. Фиктивный контекст: ложь или вынужденная необходимость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 20—30. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.02.

For citation:

Ostrovskaya E. A. Covert research context: lie or need. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 5. P. 20—30. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.02.

Е. А. Островская ФИКТИВНЫЙ КОНТЕКСТ: ЛОЖЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

ФИКТИВНЫЙ КОНТЕКСТ: ЛОЖЬ ИЛИ
ВЫНУЖДЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

COVERT RESEARCH CONTEXT: LIE OR
NEED

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-MAIL: e.ostrovskaya@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0664-1514

Elena A. OSTROVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor
E-MAIL: e.ostrovskaya@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0664-1514

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению этических вопросов, возникающих в связи с использованием качественной стратегии «невидимка» в исследовании труднодоступных сообществ, в число которых, безусловно, входят религиозные организации. Возможность доступа в подобные сообщества может быть обеспечена только при условии входа снизу и с фиктивным контекстом в качестве входного билета, а это мало совместимо с базовым принципом «кодекса социолога», требующего от исследователя иметь информированное согласие респон-

Abstract. The article deals with the analysis of ethical issues arising from «invisible» qualitative technique used to study hard-to-reach communities such as religious organizations. Only bottom-level entry and covert context can provide access to these communities; this, in turn, contradicts the key ethical principle of sociologist — to obtain informed consent from respondent. The author examines in detail the use of the method of participant observation according to the «ethics code». However, the direct access and informed consent question the possibility to acquire reliable and transparent

дента. Автор подробно рассматривает саму проблематичность использования метода включенного наблюдения в соответствии с требованиями «кодекса». Вместе с тем прямой вход и получение информированного согласия респондентов ставят под вопрос возможность получения достоверных прозрачных данных. Парадокс поля диктует свои требования социологу, вынужденному искать компромисс между принципами «кодекса» и стратегией «невидимки». В статье предложен анализ основных составляющих двух стратегий — «я тебя вижу» и «невидимка», их сильных и слабых сторон. Автор уделяет особое внимание процедурам раскрытия контекста и цензурирования результатов исследования силами респондентов.

Ключевые слова: включенное наблюдение, фиктивный контекст, труднодоступные группы, религиозные сообщества, качественное исследование

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-03-00-387.

data. The fieldwork paradox forces the researcher to find compromise between the ethical issue and the «invisible» technique. Two basic strategies with their strong and weak points are considered in the paper: «I see you» strategy and «invisible» strategy. The author pays special attention to the context disclosure procedures and the censorship of the study results made by respondents.

Keywords: participant observation, covert research context, hard-to-reach groups, religious communities, qualitative research

Acknowledgment. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 16-03-00-387.

Этические аспекты полевых исследований неоднократно подвергались строгому обсуждению в отечественной и западной социологической литературе. В большинстве западных учебников по качественным методам в социологии главы по этике полевой работы принадлежат авторству ученых с немалым опытом организации и проведения прикладных исследований [Denzin, Lincoln 2000; DeWalt, DeWalt, 2002]. Тем не менее ни о каком единстве мнений говорить не приходится. В самом грубом виде шкала этических предпочтений исследователей может быть представлена как пролегающая между двумя крайними полюсами. На одном полюсе находятся жесткие сторонники буквального следования принципам «кодекса социолога»¹, а на другом — все те, кто отвергают прямое внерефлексивное исполь-

¹ Общее собирательное обозначение того множества документов по этике проведения социологического исследования, которые принимались разными социологическими школами и ассоциациями России и других стран.

зование принципов кодекса. Какую позицию выберет исследователь, напрямую зависит, на мой взгляд, как от постановки проблемы и конкретных задач по ее решению, так и от особенностей изучаемого объекта.

Например, при изучении труднодоступных групп часто неприменимы ни опросы, ни закрытые анкеты. Подходящими оказываются качественная стратегия исследования и метод скрытого включенного/соучаствующего² наблюдения. Этот метод с необходимостью предполагает использование полуфиктивного или полностью фиктивного контекста для вхождения в группу. Сама по себе формулировка подобного контекста уже предстает сложной профессиональной задачей, предполагающей опыт и начитанность. В настоящем изложении я не касаюсь тех случаев, когда социолог сам является членом исследуемого сообщества — единоверцем, последователем той или иной политической партии, работником организации, деятельность которой подлежит рассмотрению и т. д. Здесь, к слову, также есть и свои этические вопросы, и свои методические сложности.

В центре моего внимания этические вопросы, возникающие в связи с изучением тех труднодоступных групп, которые либо имеют крепкий иммунитет против внешних исследователей, либо начисто закрыты для посторонних глаз, ушей и рефлексий. Как показывает опыт, налаживание минимальных контактов с членами таких сообществ потребует артикуляции контекста. И вот здесь мы сразу же оказываемся в заповедных водах «кодекса социолога». В любой из своих многочисленных версий он содержит четыре базовых принципа: информированное согласие, отказ от обмана респондентов или изучаемых, конфиденциальность информации, отказ от подлога и фальсификации данных. Каждый из четырех принципов неоднократно попадал в фокус обсуждений тех социологов, которые потратили многие годы на прикладные исследования [Li, 2008; Miller et al., 2012; Punch, 1986, 1989]. В данном контексте примечателен тот факт, что длившаяся десятилетиями дискуссия об этической составляющей использования метода включенного наблюдения оборвалась в конце 1980-х годов, поскольку сам метод был признан зыбким, а его результаты неверифицируемыми.

В 2000-е годы социологию «штормит» многочисленными «поворотами» в разделах теории и методов. На авансцену опять выходят такие методы-аутсайдеры, как включенное скрытое наблюдение и биографический подход. Любопытно, что их возвращение в активный методологический репертуар эмпирических исследований потребовало смены имен. Так, биографический метод вновь появляется как «биографический нарратив» или «метод жизненных историй». Включенное наблюдение также пережило ренейминг — теперь оно воспринимается вполне легитимным, если обозначено как «этнографический метод». Безусловно, оба метода обогатились значительными инновациями — арсеналом процедур и протоколов. Однако все это, на мой взгляд, так и не решило проблемы обнаружения однозначной этической интерпретации их использования.

В настоящем рассмотрении я не ставлю перед собой задачи предложить однозначно верный путь к выходу из этического тупика. Мне представляется, что саму

² В настоящем тексте я использую обозначение метода как «включенное наблюдение». В литературе вопроса можно столкнуться с разными его обозначениями на русском языке: «включенное наблюдение», «соучаствующее наблюдение» и проч.

проблему необходимо поставить заново и вынести в поток профессиональных дискуссий. Анализ отечественных публикаций по этике социологических исследований позволяет говорить, что в большинстве статей и разделов учебных пособий этот вопрос трактуется как несложный, вполне понятный для выбора адекватной стратегии поиска ответов. Общая канва его рассмотрения, как правило, развертывается по направлению изложения основных принципов «кодекса социолога» и обсуждения их содержания, раскрытия возможной правовой составляющей вопроса. К сожалению, подобное чтение оставляет острое впечатление несоответствия реальности и научных конструкций о ней.

Фиктивный контекст versus «кодекс социолога»

Проблема мне видится в том, что изучение закрытых и труднодоступных групп и сообществ в принципе идет вразрез с первейшим принципом любой версии «кодекса социолога». Возьмем, к примеру, российскую версию «кодекса социолога» и посмотрим на формулировку его первого принципа — получение информированного согласия респондента или изучаемого. Итак, текст «кодекса» гласит: «Социолог обязан поставить респондентов в известность о подлинных целях своего исследования...»³. Пребывая последние два десятилетия в различных полях религиозных групп, сообществ, организаций, я с уверенностью могу констатировать, что это — плохая идея. Кодексное требование прийти в организацию или группу и с порога объявить, что ты — социолог и хотел бы изучить присутствующих, чревато тотальным провалом, если планируется изучение религиозных сообществ и организаций. Здесь необходимы разъяснения, поскольку речь идет отнюдь не об организационной открытости или закрытости.

Начну с некоторых примеров из моей непосредственной работы. Первый пример — это разнообразные и многочисленные исследования Русской Православной Церкви, проводимые отечественными социологами. Казалось бы, РПЦ — религиозная организация, отвечающая критериям открытости: многочисленность, открытый доступ к членству и информации об организации, никаких сложностей в процедурах участия, отсутствие контроля над повседневной жизнью адептов, свободные вход/выход. Социолога никто не ударит поганой метлой, если он/она заявит о своем намерении провести исследование. Опыт, правда, показывает, что сначала последует целый список вопросов, от ответов на которые будет напрямую зависеть не только доступ, но качество и контент полученных данных. В ряду первейших и наиболее значимых будут вопросы о конфессиональной принадлежности исследователя, о целях изучения, об организационной аффилиации социолога, о наличии благословения на исследования, полученного от иерархических глав религиозной организации. Если социолог не является верующим-православным (причем практикующим, а не номинально крещенным) и не имеет должного письменного благословения, то с большой степенью вероятности ему/ей будет отказано⁴.

³ Профессиональный Кодекс социолога [Электронный ресурс]. 2006. ИСПИ РАН // Socioline.ru. Учебники, монографии по социологии. URL: <http://socioline.ru/kodeks> (дата обращения 23.07.2017).

⁴ В данном контексте, не желая вторгаться в конфликтную зону диалога между РПЦ и общественностью, актуализированную в текущем публичном пространстве, предлагаю в качестве примера посмотреть на авторитетные монографии по современной религиозности православных [Чеснокова, 2005; Синелина, 2006].

Следующий пример из моего долгосрочного изучения среды соблюдающего еврейства — религиозного сообщества, закрытого для не включенных в него по принципу этнической или религиозной принадлежности. На этапе пилотажного обследования была принята стратегия прямого входа — обращение в сообщества через руководство, информирование потенциальных респондентов о действительном содержании моего исследования, предоставление полной информации о себе. И здесь я руководствовалась наряду с «кодексом» следующими соображениями. Во-первых, основным методом был выбран биографический нарратив, предполагавший следование критериям построения репрезентативной выборки. Во-вторых, взаимодействие в закрытых религиозных сообществах протекает лицом к лицу, и любой новичок немедленно превращается в меченный атом. И, наконец, в-третьих, приглашая респондента к частной продолжительной беседе, в которой ожидается значительная степень доверительности с его/ее стороны, вряд ли можно рассчитывать лишь на обозначение своего имени.

Исходя из перечисленных выше соображений, я обратилась напрямую в синагоги своего города, к авторитетным раввинам. Во всех адресах ответ несколько различался по формулировкам, но был идентичен по содержанию. Его суть сводилась к четкой мировоззренческой позиции: если Вы не еврейка, не иудейка, то как Вы себе представляете свое участие во внутренней жизни сообщества? Или вариация на тему: «а никого нет, все действительно соблюдающие уехали». Мои многочисленные попытки получить напрямую информированное согласие респондентов, поучаствовать в жизни сообщества, сделать серии интервью терпели неизменное фиаско [Островская, 2016].

Предваряя возможные сомнения относительно того, что в разных городах опыт входа может быть не одинаков, опишу аналогичную ситуацию в Минске. Полтора года, проведенных в среде Санкт-Петербургского соблюдающего еврейства, увенчались десятками биографических интервью и биографических нарративов. Их анализ и последующая концептуализация стимулировали постановку вопроса об уникальности собранного материала. Насколько специфично обнаруженное и реконструированное для конкретного города и его среды? Следующим шагом стал пилотаж в Минске, славившемся в своем далеком прошлом традициями соблюдающего просвещенного еврейства. Однако здесь меня ожидали все те же непроходимые буераки, уготованные следованием маршрутом «кодекса социолога».

Заблаговременно я договорилась об аудиенциях у раввинов трех основных общин, а также о встрече с председателями общин. Везде меня приветствовали на словах в телефонных разговорах и переписке в соцсетях, обещали поддержку и помощь. На деле ситуация повторилась с точностью до формулировок. При личной встрече мне сообщали, что «никто строго не соблюдает, требовать этого и ожидать даже не приходится», действительно соблюдающие давно уехали в Америку или Израиль. С председателями все оказалось еще драматичнее: мне была обещана помощь в знакомстве с респондентами, но в последний момент у них обязательно что-то случалось, либо я просто просиживала часы в общине в непонятной перспективе. Как и в Санкт-Петербурге, я неизменно наталкивалась на тезис, что самим общинам такое исследование совершенно не нужно, они не понимают, о чем оно и зачем, почему это «вдруг человек сядет и начнет рас-

сказывать о самом личном». Одним словом, пилотаж был провален из-за погони за информированным согласием респондента и входом сверху.

Важно учитывать, что любое отклонение от прямого курса «кодекса» в сторону — не сообщать всей полноты замысла исследования, не называть себя социологом, а представиться журналистом (регулярный совет всех отечественных и зарубежных учебников по методам), не заходить сверху, а зайти снизу, т. е. через информантов и проч. — это все уже полуфиктивный контекст. Кроме того, некоторые из рекомендаций, предлагаемых в статьях по этике социологического исследования и в учебных пособиях, попросту не работают применительно к религиозным сообществам.

Парадокс поля

Казалось бы, этические принципы «кодекса социолога» изобретались с учетом специфики поля, или эмпирической реальности. Они призваны защитить респондентов и членов изучаемых сообществ от грубых вторжений извне, сохранить тайну личной жизни, уберечь от ложных и лживых оценок. Однако эта самая реальность не слишком нуждается в защите от исследовательских посягательств, потому как закрыта от них множеством барьеров. Реальность групп тонкая, ранимая, уязвимая и вместе с тем закрыта и жестка по отношению к чужаку, манипулятивна по отношению к социологу/антропологу. Из этого парадокса вытекают некоторые следствия — монополия групп на рефлексии о себе и манипуляция в адрес исследователя, использующего прямой вход. Начнем с рассмотрения первого следствия.

На определенном этапе своей институционализации религиозные организации приходят к пониманию необходимости в саморефлексии. Следствием этого становится создание собственных газет, иллюстрированных журналов, бюллетеней, выпуски сборников статей. Все это производится и публикуется усилиями самих организаций. Адепты, занятые в издательской деятельности и «журналистике», быстро осознают потребность поучиться, а опыт они набирают просто колоссальный.

В большинстве своем крупные религиозные организации стремятся участвовать в создании своего общественного имиджа, контролировать динамику его изменений. На это направлена работа электронных сайтов религиозных организаций и сообществ, продуманные и хорошо подготовленные публичные встречи религиозных лидеров или их пресс-аташе с представителями государственной администрации, участие в ток-шоу, написание и защита магистерских работ и диссертационных исследований. Иными словами, религиозные организации не нуждаются в спонтанной явке журналиста, которого они сами не приглашали. В равной степени справедливо утверждать, что и научные исследования им мало интересны. Они сами посылают своих адептов на обучение в секулярные ВУЗы по профилям социологии и социальной работы, философии и культурологии. Сами финансируют сбор статистической информации о себе, учреждают средние и высшие учебные заведения, добиваются государственной аккредитации для них.

В данном контексте будет уместным упомянуть о феномене церковной социологии, возникшей в Западной Европе в 1910-е годы и всецело посвященной изучению различных аспектов функционирования христианских организаций. В России церковная социология уже делает весьма уверенные шаги в направлении насыщения

своими исследованиями научного публикационного ландшафта. Ее усилиями проводятся опросы, в ее рамках возникают бакалаврские и магистерские программы.

Другой пример по теме являют буддисты-конвертиты. Они не только создали ежегодную научно-практическую конференцию «Буддизм Ваджраяны», но и сумели вовлечь в нее ученых-востоковедов, философов, религиоведов. К буддийской среде принадлежат авторы кандидатских диссертаций и научных сочинений по буддизму. И здесь, думаю, не нужно отдельных комментариев о том, что им не интересен и чужд социолог, решивший исследовать их.

Теперь о втором следствии парадокса поля — манипуляция исследователем и получение недостоверных результатов на выходе. Требуемое «кодексом» информированное согласие предполагает прямой вход и никаких фиктивных контекстов. Исследователь входит сверху, т. е. через руководство организации, храма, сообщества и проч. В самом простом и безобидном для социолога случае это влечет за собой отказ от сотрудничества. Несколько жестче два других варианта: публичное изгнание или попадание в бан-лист по всем головным и дочерним организациям избранного религиозного поля. Публичное изгнание чревато неприятными эмоциями для полевика, но все еще оставляет надежду зайти заново снизу. Попадание в бан-лист сети означает полный и безвозвратный провал исследовательского проекта. В практике попадание в бан-лист выглядит так: социолог приходит на заблаговременно оговоренную встречу, а о нем уже не только навели справки, но и разослали информационные письма в дочерние точки или общины единоверцев. Если результатом встречи будет отказ, то во всех филиалах об этом узнают. Вообще любой опытный полевик знает, что среда труднодоступных групп — это сеть быстрого реагирования, открытая информация циркулирует здесь быстро и по назначению.

Отдельно следует рассмотреть самый плачевный вариант — социолога с его прямым контекстом приняли с радостью, «сдали/слили» все контакты, оказывали всемерную поддержку, предоставляли архивы аудио- и видеозаписей, допустили совершенно бесплатно на многие внутренние воркшопы, собрания и проч. Звучит великолепно, если только не принимать во внимание фактор манипуляции: социологу предоставляют только ту информацию, которую считают подходящей для публичного имиджа, знакомят лишь с теми респондентами, которые лояльны руководству или близки к нему, не скажут лишнего. Речь не идет о чем-то тайном или запретном в деятельности религиозной организации. Манипуляция состоит в том, чтобы остаться невидимыми для исследователя и по возможности контролировать наполнение выборки за счет проверенных единоверцев. И это органичная для любого типа организации реакция самозащиты. Особенно ожидаема она в труднодоступных религиозных сообществах. В результате обеспечить требуемые достоверность выборки и прозрачность данных не представляется возможным. Насколько достоверна выборка, сформированная усилиями узкого круга администрации общины или, другой вариант — узким кругом несогласных с организационным руководством религиозного сообщества? Прозрачны ли данные, которые фиксируют ангажированную рефлексию организации о самой себе? Насколько вообще продуктивно начинать с прямого входа? И в этом пункте я полагаю необходимым обсудить две возможные стратегии входа в поле с методом включенного наблюдения.

Две стратегии входа — два разных результата

Первую стратегию я условно обозначаю «я тебя вижу», вторую — «невидимка». У каждой из них есть свои преимущества, но и проблемные составляющие. Ключевыми компонентами первой стратегии выступают: вход сверху и получение информированного согласия прямо на входе; сохранение неизменной идентичности социолога; круговая порука респондентов. Для второй стратегии базовыми элементами являются: вход снизу с фиктивным контекстом; стертая идентичность, новое имя, новый тезаурус; долгосрочные контактеры — привратники, информанты, поручители. Итак, рассмотрим подробнее каждую из них.

Обозначение «я тебя вижу» — это цитата из моего собственного опыта погружения в среду одного из православных духовных ВУЗов страны. Мне довелось преподавать в одном из них, и я присматривалась к возможности провести полевое исследование. Казалось бы, искать контекст для входа не надо, ведь я уже внутри. Запросы на информированное согласие были сделаны мною на разных уровнях духовно-учебной иерархии. Между собственными лекциями я проводила много времени в комнате для преподавателей. В один из дней, когда я уже обросла контактами, имела продолжительные беседы с преподавателями в сане, ко мне сзади подошел администратор, наклонился и прямо в ухо мне выдохнул: «Я тебя вижу!». В его должностные функции входило отслеживание дисциплины студентов и профессорско-преподавательского состава. Он всегда был в курсе того, что и где происходит или может произойти, кто с кем беседовал, дружил, кто болен-здоров и многое другое. Вскорости на свои запросы я получила странные половинчатые ответы — мне не отказывали напрямую, но и не давали разрешение. Один из моих информантов предложил распространить анкету явочным путем без санкции вышестоящих, однако было очевидно, что прямой вход не принес плодов.

Итак, стратегия «я тебя вижу» предполагает, что о контексте исследователя достаточно широко известно: кто он/она, что делает в этом поле, зачем пришел. И здесь социолог оказывается в зыбкой позиции проницаемости для среды и крайне слабой возможности обрести обратную связь. Он виден и, скорее всего, уже помечен определенным внутренним клише. А что он сам может пронаблюдать или куда продвинуться, остается неясным. Более того, его/ее исследование попадает в фокус наблюдения самой среды, любые шаги в любом направлении придутся согласовывать и объяснять.

Многие исследователи считают, тем не менее, что безусловным преимуществом данной стратегии выступает сохранность идентичности исследователя. В такой позиции нет необходимости осваивать внутренний тезаурус группы и ее дресс-код, приноравливаться к правилам поведения и взаимодействия, менять привычный круг общения или вести дневник самонаблюдений. Социолог просто остается самим собой и речь якобы лишь об искусстве коммуникации в перспективе обретения договоренности по этапам исследования. Однако надо принимать во внимание тот факт, что все эти позитивные составляющие превращают исследователя в заложника милости обследуемых. И, если таковая будет, то далее социолог скорее всего столкнется с круговой порукой рекомендателей.

В ситуации полной проницаемости для среды и собственного продвижения в темной комнате наощупь социолог оказывается в зависимости от поводи-

рей — хороших рекомендаций и характеристик, а таковые еще предстоит получить. И это, на мой взгляд, гораздо более зыбкая почва для проведения наблюдения и интервью, нежели фиктивный контекст. Респондент, один раз выступивший рекомендателем, включает исследователя в замкнутый круг реципрока. Социолог должен каким-то образом расположить потенциального recommendателя в пользу своего исследования и полностью отдаться на его милость. Следующий респондент будет выбран не исследователем, а recommendателем, причем из круга лояльных лиц. Не вполне понятно, о какой достоверности выборки может идти речь в этом случае. Кроме того, recommendатели, как правило, начинают отслеживать контакты исследователя внутри сообщества или организации.

Стратегия «невидимки» представляется как будто более уязвимой по всем параметрам. Так, фиктивный контекст предполагает вход снизу, т. е. через рядовых членов сообщества или сразу к ним. «Невидимка» предполагает, что социолог не сообщает напрямую о своем исследовании, о реальном статусе, возрасте, профессиональной и организационной аффиляции. Самым нейтральным вариантом такого контекста может быть следующий: «Я нахожусь в духовном поиске, Вы мне очень близки и интересны, мне хотелось бы посещать...». Как показывает опыт, в большинстве случаев этот контекст дает доступ к полю. Неотъемлемой составляющей такого контекста выступает временное дистанцирование исследователя от своей идентичности. Если некто испытывает интерес к сообществу и группе, стремится туда войти и, вероятно, остаться, то достаточно быстро и вне отдельной рефлексии принимает и ее тезаурус, и неписанные правила самоформления в одежде, и поведенческие стереотипы. Стратегия «невидимки» предполагает мимикрию и смешение со средой: смену способов самопрезентации, соблюдение дресс-кода, освоение словаря сообщества. А в религиозных сообществах все перечисленные элементы имеют чрезвычайную важность. Приведу некоторые примеры.

На первых этапах изучения сообществ соблюдающего еврейства мне удалось обрести привратников, открывших доступ к полю. Однако недостаточное владение тезаурусом сразу же дало о себе знать. Так, обращаясь за помощью к раввину, я сформулировала свой запрос на респондентов, не используя слов «гиюр» (обращение в иудаизм неевреев), «возвращение в традицию», «раскаившиеся». В моем описании они были обозначены как те, кто принял иудаизм, не имея еврейских корней, пришел к религии, хотя в семье традиция была прервана. Раввин посоветовал мне подумать о том, а кто собственно нужен, и потом когда-нибудь позвонить. В равной степени проигрышным оказалось и слово «религиозность», столь понятное для респондентов-христиан любой конфессии. С течением времени от него вообще пришлось отказаться и заменить на термин из тезауруса языка объекта, или поля — «соблюдающие».

Другой пример из полевых долгосрочных заходов в среду буддистов-конвертитов. Приезжающие учителя не «читают проповеди», они «дают Учение». Респонденты не «работают в общине», они «работают на Дхарму». Слова «ритуал», «посвящение», «молитва» требуют долгих дополнительных разъяснений. А вот их замена на принятые в тезаурусе сообществ «практика», «Прибежище», «мантра» сильно сокращает дорогу к доверительному общению с респондентом.

Возвращаясь к проблеме уязвимости фиктивного контекста, хочу подчеркнуть, что он делает исследователя непроницаемым. Достаточно быстро исследователь обрастает уже собственными контактерами — привратниками, информаторами и поручителями. Он/она с необходимостью оказывается в гуще событий, взаимодействий. Это отчасти компенсирует вынужденное дистанцирование от собственных групп солидарности. Тяжелый компонент временного стирания собственной идентичности профилаксируется ведением дневника самонаблюдений. Это, правда, возможно отнюдь не во всех ситуациях.

Жесткие критики и противники фиктивного контекста и стратегии входа через рядовых членов сообщества или организации, как правило, умалчивают о двух обязательных этапах использования такой стратегии. Социолог не информирует на входе о подлинных целях своего долгосрочного пребывания в сообществе. И здесь у меня всегда возникает вопрос к авторам учебных пособий: а как это могло бы выглядеть при использовании метода включенного наблюдения? Антрополог, изучающий аборигенов Австралии, не нуждается ни в каком контексте, потому как его/ее отовсюду видно. А вот социолог, изучающий труднодоступные религиозные группы нуждается в некоем нейтральном тезисе — входном билете. Он/она не может позволить себе выйти на середину зала для медитаций или молитвенного собрания и совершить публичный coming out. Вместе с тем, стратегия «невидимки» предполагает, что на определенных этапах контекст следует частично или полностью вскрыть. Включенное наблюдение имеет свои отчетливые границы. Статус неофита, трудника, интересующегося и т. п. не предполагает возможности проведения биографических или экспертных интервью. Даже в рамках полевых интервью целый ряд вопросов не может быть задан, поскольку они просто не придут в голову рядовому члену сообщества. И вот на этом этапе исследования вступает в силу правило, требующее либо частичного вскрытия контекста перед экспертами, либо выхода из поля.

Цензура респондента

Еще одной важной составляющей полевого исследования является получение обратной связи от поля или тех респондентов, которые приняли участие в нем. И в этом пункте, на мой взгляд, отчасти снимается критика в адрес самого метода включенного наблюдения в аспектах этического нормирования. Обратная связь предполагает три этапа цензуры конечного продукта со стороны респондентов. На первом этапе социолог может инициировать обсуждение своих наблюдений и предварительных выводов с информантами, привратниками и поручителями. Как показывает опыт, уже на этом этапе он/она получит и самую разную критику, и замечания, и уточнения. Весьма вероятно, что какие-то выводы или полученная информация будут оценены как наносящие ущерб сообществу в случае их открытой публикации. Кроме того, процедура весьма полезна, поскольку часто вскрывает абсолютно ложные направления и ходы размышлений исследователя. Содержание полученной критики социолог может обсудить с теми респондентами, с которыми смог установить долгосрочные контакты. Такое обсуждение часто вскрывает лакуны в сплошном описании.

На втором этапе социологу надлежит разослать сделанные транскрипты всем респондентам, изъявившим желание их получить. Особенно это полезно отправить

в адрес тех респондентов, из транскриптов интервью с которыми взяты цитаты для статьи. Обратная связь здесь многообразна — от внезапного требования не использовать текст и вплоть до исправления ошибок в использовании терминов, в топографических названиях и названиях организаций, именах, датах и проч.

И, наконец, на третьем этапе социологу рекомендуется предложить свой еще не опубликованный текст для прочтения респондентов.

Подводя итог, хочу подчеркнуть некоторые ключевые выводы. Итак, дискуссия об этических аспектах и границах применения включенного наблюдения представляется мне все еще не начавшейся для отечественной социологии. Представления о процедурах метода и прежде всего о том, что есть фиктивный контекст, «хромают» по части широкой известности в среде профессионалов. Сравнительный анализ стратегий «я тебя вижу» и «невидимка» показывает, что на деле в обеих кроются свои подводные камни. Применительно к изучению труднодоступных групп, к каковым, несомненно, принадлежат религиозные организации и сообщества, фиктивный контекст является зачастую единственным проводником и способом попадания внутрь. Фиктивный контекст — это вынужденная необходимость, если в фокусе внимания проведение профессионального исследования, а не запретительное обсуждение.

Список литературы (References)

Островская Е. А. Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 110—118. [Ostrovskaya E. A. (2016) Religious «Jewishness» biographical narrative in a closed group. *Sociological Studies*. No. 2. P. 110—118.] (In Russ.)

Синелина Ю. Ю. Изменение религиозного мировоззрения россиян. Православные и мусульмане. М.: Наука, 2006 [Sinelina Y. (2006) Measurement of People's Religiosity in Russia: Orthodox Christians and Muslims. Moscow: Nauka.] (In Russ.)

Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005. [Chesnokova V. (2005) Through the Narrow Way: The Process of Churching in Russia in the Late 20th Century. Moscow.] (In Russ.)

Denzin N., Lincoln Y. (2000) *Handbook of Qualitative Research*, Thousand Oaks. California: Sage Publications.

DeWalt K., DeWalt B. (2002) *Participant Observation: a guide for fieldworkers*, Walnut Creek, CA: AltaMira Press.

Li J. (2008) Ethical challenges in participant observation: A reflection on ethnographic fieldwork. *The Qualitative Report*. 13(1). P. 100—115.

Miller T., Birch M., Mauthner M., Jessop J. (eds.) (2012) *Ethics in Qualitative Research*. London: Sage.

Punch M. (1986) *The politics and ethics of fieldwork*. Beverly Hills, CA: Sage.

Punch M. (1989) Researching police deviance: A personal encounter with the limitations and liabilities of field-work. *British Journal of Sociology*. No. 40. P. 177—204.